

**терешкова
летит
на марс**

ИГОРЬ САВЕЛЬЕВ

**Терешкова
летит
на марс**

Р О М А Н

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С12

Оформление серии *П. Петрова*

Иллюстрация на переплете *А. Дурасова*

Фото Игоря Савельева на переплете — из архива автора

Все персонажи, события, имена и названия этой книги являются вымышленными и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми и событиями случайно.

Савельев, Игорь.

С12 Терешкова летит на Марс : роман / Игорь Савельев. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 224 с. — (Проза отчаянного поколения. Игорь Савельев).

ISBN 978-5-699-83056-5

Валентина Терешкова мечтала полететь на Марс. Эта мечта всю жизнь вела ее вперед, хотя и не сбылась. Но быть мечтой не перестала.

Герой романа Игоря Савельева Павел тоже часто смотрит в небо, хотя на земле у него гораздо больше хлопот, и, кажется, уже из последних сил — на излете беззаботной юности — держится за свои мечты: быть рядом с любимой девушкой, заниматься любимым делом... Оставаться порядочным человеком. Он и его друзья бросают вызов «взрослому миру» как миру всеобщего цинизма и, кажется, готовы бороться с циниками и авантюристами до конца — хотя и выглядят в этой наивной «борьбе с корпорацией» как марсиане. Удастся ли победить?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Савельев И., текст, 2014
© Дурасов А., иллюстрация
на переплете, 2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-83056-5

I

Путин замолчал.

Пару секунд он еще гипнотизировал камеру; снег красиво ложился на черное номенклатурное пальто; выхваченный кусок Кремля — стены, ели — был до того залит белейшим светом фонарей, что казалось, будто он готовился принимать инопланетные корабли.

Затем — несколько ракурсов околосмоленской Москвы; редкие машины удирали так стремительно, размазывая красное, что верилось — это снимают сейчас — в 23:58, наверное.

За столом случилось некоторое оживление. Едва знакомый Павлу хозяин, большерукий парень со странным румянцем — вероятно, обморозился, — курочил и раскручивал золотишко на горлышке шампанской бутылки. Слишком лихорадочно. Пробка пошла, он тщетно пытался ее удержать, отчаянно гримасничая, а после глухого углекислого хлопка (девушки и не успели взвизгнуть) закрывал пальцами горлышко, — а что оставалось делать.

— Преждевременный финал? — сострил Игорь.

Игорь Савельев

На него опять посмотрели с неприязнью. Когда-нибудь этого мудака спустят с лестницы.

Надтреснутый бум, циферблат курантов, будто скроенный из листов старого-престарого сукна, которое в детстве казалось зеленым, потом синим, теперь черным почти.

Чокались. Девушки визжали. Парни орали какое-то первобытное подобие «ура». Человечество за окнами взбесилось (канонада салютов, петард). Паша вспомнил, что можно и желание загадать. Запоздало.

После гимна (в момент, когда никто не знает, как себя вести) виртуальные фейерверки вывели на экране «2007» — к счастливой радости собравшихся. Раньше, лет за десять до того, цифры выезжали прямо из курантов, Павел точно помнил. Они медленно и неумолимо приближались, росли с каждым ударом; и в память врезались строгие — без всяких курсивов, и синие — без всяких нарядностей, «1996»; мама сказала: «Как три шестерки», — и стало страшно.

Сейчас лучше. Сейчас — 2007.

Месяц назад уехала Наташа. (Лучше, да. Просто зашибись.) Летела она, разумеется, с пересадкой — сначала в Москву; самолет был ранним утром, да фактически ночью, и Паша все представлял первый день без нее: он проснется по будильнику в восемь, скорбно спустит на-

ТЕРЕШКОВА ЛЕТИТ НА МАРС

гретые ноги на декабрьский пол и вспомнит, что вот он и остался один... Получилось все не так, а до обидного буднично. Во-первых, он проспал, вместе с жиденьким солнцем его разбудил звонок из Шереметьево: Наташа сетовала, что забыла положить денег на «трубку» и может не хватить в решающий момент, «а тут терминалы дурацкие, и разменять негде...». И Паша метался по кухне, не зная, что сглотать за двадцать пять секунд, мчался стоя, распятый скоростями в «газелях», чтобы в центре закинуть Наташке пару сотен в салоне связи. Язык на плече, какое уж скорбное опускание ног, — но тем не менее это действительно был первый день без Наташи.

День, кстати, нетрагичный до дурного — как начался, так и кончился. Друзья достали халявные билеты на третьесортный концерт, и в каком-то бестолково-веселом толкании то на входе, то в зале, то на выходе все и прошло. Но это не отменяло главного. Если катастрофа уже случилась, какая разница, как потом вертит тела и какие-нибудь — в ледяной испарине — дюралюминиевые обломки.

Паша остался один: его любимая уехала в Штаты (в Питтсбург) учиться, проходить практику, возможно — работать, возможно — жить.

У Наташи была редкая специальность — технолог промышленных печей («какая-то не

Игорь Савельев

женская!» — причмокнула губами Пашина мама когда-то). В местном политехническом институте эту специальность постоянно грозились прикрыть, ибо она ковыляла инвалидно из года в год — от трех десятков студентов к двум. И в деканате велись душеспасительные беседы, кого бы и куда перевести. Но не-ет. Наташа криво усмехалась, Наташа билась бы до последнего. Не то чтобы она обожала стекловаренные печи, уродливые, с вонью да лампами — просто такой был характер. Чертов характер.

Первой идеей фикс был замысел перевестись в питерский вуз — с очень петровским титулом «горный». Хоть по свежевведенной «болонской системе» — с четвертого курса в магистратуру, хоть по целевому назначению, короче — хоть как. И началась великая беготня по деканатам да ректоратам, звонки на берега Невы и прочая. Потом чуть успокоилась.

И новая идея! Оказалось, перевестись в США доучиваться по специальной грантовой программе — не так уж и сложно. Просто об этом мало кто знает. И только Наташа, с ее упорством, смогла дорыться до истины на забугорных сайтах. Процедура простая. Только и надо, что подтвердить английский, до того поднатаскавшись на вечерних курсах, да довести себя до белого каления в коридорах посольства...

ТЕРЕШКОВА ЛЕТИТ НА МАРС

Безотказный Паша был рядом. Он до конца не верил, что она улетит всерьез. Она улетела играючи. А он побрел по декабрю один, с обветренными, воспаленными губами.

Невыносимо-то бывало вечерами, когда, вернувшись домой сквозь сказочные фонари, сыпавшие снег, Павел обращался в развалину. Он тер глаза, как при температуре, осоловело сидел под лампами, тупел, тупел, тупел. Рано заваливался спать...

Наташка, едва обосновавшись в Питтсбурге, завела привычку выходить на связь по скайпу (у нее утро, у него температурная прострация), но разговоры как-то не клеились. Павел не только не пытался взбодриться перед ядовиточерным пористым микрофончиком, но видел в своей тормозной, свиной мрачности благородство и служение, если не упрек. («Вот, я страдаю».) Наташа же заметно нервничала. Может, и из-за тамошних своих проблем тоже. Но они любили друг друга, а там, где любовь, нет места гладким разговорам. Десять-пятнадцать минут пытки, Паша героически держался: дольше, дольше (как в золотые времена — в других обстоятельствах), и мрачно раскаивался в щелкнутом-таки «отбое».

Иногда он выволакивал себя обратно на снежно-простудные дворы, снова — в маршрутные «газели», в которых лишние люди стояли

Игорь Савельев

скорбно, как висельники. Он объезжал студенческих друзей — немногих оставшихся. Они вместе учились в местном педде, на СГФ — социально-гуманитарном факультете, и часто случайные знакомые спрашивали их не без иронии:

— А чему там учат?

Так было пять лет назад, так было теперь. Ответить внятно Павел не мог все эти годы. И ему все чаще казалось, что это позор — иметь такое образование — никакое; это как твердая синяя корка от диплома — без вкладышей. Красивые водяные знаки на внутренней стороне, важно все так. Гербы. Но ничего не написано.

С друзьями было не веселее, чем одному: когда вымыты рекой времен все темы, остается только молча глотать пиво — в тишине, нарушаемой лишь моторчиком холодильника...

Паша приходил к Игорю, например. Игорь — нелепый, толстый, да и просто некрасивый, с близко сидящими глазами, — пребывал в перманентном если не восторге, то воодушевлении, шумно радовался встрече, воровато — родители дома — тащил в свою комнату бутылки псевдо-«Гинесса», черные и гладкие, будто только что рожденные неизвестно кем. Горький печеночный раствор.

Игорь считал себя писателем. К несчастью, кажется, всерьез. Его уж откровенно беспомощные рассказы, — автор упорно оставался верен

ТЕРЕШКОВА ЛЕТИТ НА МАРС

стилю «фэнтези», — не брали порой даже в местной «молодежке» (редактор которой, здоровый усатый мужик, на фото даже и брутальный, писал в своей колонке: «Ура! Наконец-то выпал снег! Утром у меня замерзли уши». Буэ). Однако Игорь не страдал и не комплексовал, а марал и марал бумагу, пер, как слепой бульдозер, через все преграды, поперек здравого смысла. Когда им было по семнадцать и скучной лекции посреде Игорь двигал ему, Павлу, кривенький листочек с очередной «нетленкой», это еще можно было с иронией принять. Когда им двадцать третий год, и один на полном серьезе читает другому бредни новые, которые никак (по крайней мере, к лучшему) не изменились, и те же в них, простите, киборги...

— Что нового? — с энтузиазмом вопрошал Игорь, после того как они конспиративно выпивали принесенное. Господи, ну что могло случиться за несколько безвоздушных дней.

Уходил Павел с кислым послевкусием «Гинесса», разбитый еще больше против домашнего, зная: от безысходности притащится снова и снова.

Так кончался декабрь.

Когда на носу оказался Новый год и по обыкновению забурлили торговые центры etc, Паша даже повеселел, объявив, что праздновать не будет, а завалится спать. И это так по-

Игорь Савельев

нятно. О, благородный траур. Но в сам день 31-го, перенасыщенный кухонным паром, Павел довольно глупо дал себя уговорить. Данила собирался к каким-то своим «ролевикам», брал с собой Игоря, они на пару дожали и Павла. И тот мрачно собирался, пока родители скандалили и загружали салатницы, а по телику менялись две новостные картинки: негодующий Лукашенко и небоскреб «Газпрома». В этом здании все выдавало начало 90-х: и явная бедность архитектурной мысли, и впечатление сырого цемента по боковинам. Гладиолус-урод. Паша ведь немного занимался архитектурой. И если бы... Если бы. Нельзя еще и это вспоминать. Давлением сплющит мозг и вышибет слезы. Доходило уж восемь часов, и надо было поспешить, чтобы успеть к этим чертовым даниловским друзьям...

Чертовы дружки являли собой крайне разнородную толпу, в которой знакома друг с другом едва ли половина. Скованные девушки с трудом договаривались, как готовить салаты на кухне. Скованные парни предпочитали со значением молчать, отхлебывая кто что и делая вид, что ничего интереснее всей этой телевизионной оргии в жизни не видели. Игорь же всячески старался всех расшевелить и вел себя, как скорморох. Видимо, он и правда не въезжал, что косятся на него с откровенной неприязнью.

ТЕРЕШКОВА ЛЕТИТ НА МАРС

— Есть у меня знакомый, — рассказывал, например, он. — Ну реально кризисный какой-то весь чувак. И вот он встречал Новый год один. И че-то так ему было паршиво, что, когда было двенадцать, он встал на подоконник (ну еще чего-то подложил, наверное) и высунул хрен в форточку. Типа — на, наступающий год!..

Молчание. Все упорно рассматривали взрыв маленьких искусственных кудряшек у Аллы Борисовны.

— ...На улице в этот момент все равно никого не было. Двенадцать же. Так что кого шокировать, — упавшим голосом добавлял Игорь.

— Он себе ничего не отморозил, нет? — наконец брезгливо сжалился рыжий парень с печаткой.

Этот парень потом оказался за столом рядом с Пашей, и ночью они немного разговорились. Парень, выяснилось, работает на стройке. «Путинку» он пить отказался — принес с собой какую-то дорогую горилку. Раза три Паше бросилось в глаза, что ногти его соседа как-то слишком уж молодо-здорово отблескивают — как масляный лучок в винегрете. Сосед поймал его взгляд. Подтвердил: пару дней назад зашел в салон и «привел себя в порядок».

Заглатывая порцию «Путинки» и впиваясь за чем-то в свежий помидор — оглушительно безвкусный после водки, Паша мрачно думал, что

Игорь Савельев

вот она — примета времени: строитель с маникюром. Не так абсурдно, кстати. Идет перераспределение ролей, и наступает эра не технарей даже, а людей физического труда — с кучей времени, бабла и сил, а главное, без «тараканов в голове». Им все доступно, и они уже в авангарде не только техническом (навороченный мобильник; спецы в компьютерах, программах, сети; чуть не англоязычность, как следствие этого), но и — концерты, показы, модное кино, проекты... Это тебе не интеллигент в третьем поколении, сын училки, который нигде не бывает, ничего не видит и не знает, и не узнает.

— Так, за московский Новый год! — взвещали в два часа. «Граждане, давайте хоть без шампанского, ну будем гуманистами...»

Ходили пускать петарды, вернулись замерзшие и довольные — наглотавшись и свежего, и жженого воздуха. Развалились на мелкие компании. Кто-то уж и на диване спал, кто-то дербанил дешевый кухонный приемничек, добиваясь права на музыкальный суверенитет.

— Как Наташка-то? — спросил Игорь, не пьяный, но взвинченный водкой больше обычного.

— Да так же... — И Паша мямлил про Питтсбург, негров, квартирную хозяйку, тараканов.

— Возвращаться не собирается?

Зачем отвечать на глупый вопрос.

ТЕРЕШКОВА ЛЕТИТ НА МАРС

Но глаза Игоря уже загорелись. Он уже был занят любимым своим делом — сотворением сюжетов.

— А давай... А пусть ее вышлют из Америки! Чего усмехаешься, реально, там сейчас многих высылают... Ага! Мы пошлем на ее адрес письмо (ну, в смысле, не мы, — анонимное), а в нем белый порошок! Там ЧП, расследование, то, се... Она иностранка...

— Наша почта не пропустит, — флегматично отозвался Данила.

— Да? — Игорь не любил, когда в его таинство вмешивались, но никогда не сдавался. — А вот! А там же вроде высылали каких-то пакистанцев, которые искали какие-то схемы самолетов, что ли. Терроризм, все дела... Шикарно! Вложим в конверт чертежи!

Это да, это пугало иногда: он действительно не понимал, где граница между «всерьез» и всеми его карнавальными бреднями, во главе с представлением о себе самом как об эдаком Толкиене. Он уже носился по квартире, по всему этому полураспаду праздника, выясняя у хозяина — есть ли Интернет и принтер. А в Павле поднималась, как вода, обида: он здесь чужой, с кучей пьяных посторонних уродов, он — один, его бросила любимая девушка — и не бросила даже, а просто отодвинула в сторонку; и вот он